

25 ИЮН 1968

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

ЭТО МОЙ ОТЕЦ!

Я ХОРОШО знаю их обоих — отца и сына Данильченко. Со старшим работал в Ставропольском краевом драматическом театре, с младшим работаю в Краснодарском. Несколько лет назад в спектакле «Чти отца своего» впервые в большой роли вышел на сцену Данильченко-младший. И тогда бросилось в глаза удивительное актерское сходство отца и сына: не только естественность и простота. Главное — гражданская позиция актеров. В спектакле «Чти отца своего», где отец и сын Данильченко играли отца и сына Кичигиных, мы видели двух людей, связанных не просто кровным родством, а любовью, пламенной, действенной любовью к своей стране, к своему труду, ко всему светлому и чистому, что есть в нашей жизни: нерушимый союз отца и сына — вот что особенно волновало и трогало... И Трофим Кичигин, и его сын Сева запомнились мне надолго, потому что оба они были прекрасными бескорыстными богатством души, умными и добрыми сердцем.

Есть это сходство у Бориса Никитича и Саши Данильченко в жизни. Отец сумел передать сыну безупречную честность, прямоту, открытость души, влюбленность в театр. И хотя юность Саши — мирная и благополучная — совсем не похожа на военную молодость Бориса Никитича, все-таки жизнь сына — продолжение биографии отца. И, может быть, сегодня Саша был бы совсем другим, если бы много лет назад не ушел добровольцем в армию выпускник Одесского театрального училища Борис Данильченко, только что сыгравший первую большую роль — Сатина. И может быть, совсем по-другому смотрел бы сегодня на мир Саша, если бы двадцать шесть лет назад не сражался в окопах под Сталинградом его отец — лейтенант Борис Данильченко.

...Был воскресный день. Мы медленно шли по аллее парка, потом присели на скамью против эстрады, где выступал самодеятельный коллектив. Молодые, свежие голоса пели о любви, о весне, о тревожной молодости, о дорогах... И глаза у Бориса Никитича потеплели.

— Да, далекая дорога... Сколько

их было в нашей жизни, этих дальних дорог! А больше всего запомнилась одна...

Борис Никитич вспоминает, а я вижу сожженную зноем, почерневшую от дыма пожарщи заволжскую степь. Эшелон идет на фронт. В вагоне на ящиках со снарядами — бойцы. Плывет за дверью теплушки знойное степное марево, все ближе и ближе гул войны, а люди слушают бессмертные гетевские строки, которые читает лейтенант Борис Данильченко: «Мечи блестя! Друзья мои, смелей! Ведь за спиною — старцы, жены, дети!».

Почти четверть века работает Б. Данильченко в одном городе — это очень ответственно. Как сделать, чтобы, скажем, Сергей Тутаринов из «Кавалера Золотой Звезды» не повторился в Кирилле Извекове из «Первых радостей», чтобы бывший балтийский моряк и путловский рабочий Давыдов из «Поднятой целины» даже отдаленно не напомнил зрителю о другом моряке — Косте Белоусе из «Города на заре»? Они разные, его герои, но их роднит многое, а прежде всего время, в котором они живут, — советское время.

И когда я сегодня вижу Данильченко-младшего, то узнаю в нем отцовскую идейность, партийность, убежденность, веру в прекрасные идеалы. Как и когда родилась она, эта вера? Быть может, тогда, когда мальчик, сидя в зрительном зале, слушал отца, который говорил горячие и гордые слова о справедливости, о правде, о борьбе? И мальчик понимал: нет разницы между тем, что говорит отец на сцене, и тем, как живет он в жизни. Когда коммунист Данильченко становился коммунистом Литвиновым в спектакле «На диком берегу», менялось немногое — профессия, фамилия, возраст. Главное же оставалось. Это видел сын! И росла в нем гордость за отца.

Сашу тянуло в театр. Не только потому, что там царило чудо искусства, не только потому, что театр с раннего детства доставлял ему радость, а еще и потому, что там был отец.

Саша с отличием окончил театральную студию и стал актером. Ему многое удастся, хотя мастерст-

ва, конечно, еще не хватает. Но в нем есть упорство, творческое отношение к делу.

...Парень стоит перед судом, заложив руки за спину. Он один из тех, кто убил человека. Как это могло случиться? Почему в этом парне, которого зовут Владимир Мокшин, не разбудили совесть? Или, может, она осталась где-то на самом дне души? Мокшина в спектакле «Судебная хроника» играет Саша Данильченко. Бегающие глаза, безвольно опущенные плечи... Куда спрятать дрожащие руки? Мокшин еще пытается сохранить привычную нагло-самоуверенную маску, но это ему плохо удается. Случилось непоправимое — убит человек. И страх сдавил горло. Он что-то бормочет о пьянке, о том, что был «не в себе», он делает отчаянные попытки вывернуться...

Саша Данильченко видел таких юнош на улицах: он презирает, ненавидит их и вкладывает все свои чувства в разоблачение Мокшина.

В спектакле Краснодарского театра драмы «Плавни» молодой актер получил большую и ответственную роль — Тимки Шеремета. Поначалу Саше все представлялось простым и ясным. Но чем дальше углублялся в работу, тем больше вопросов аставало перед ним. Тимка — истый казак, парень в лихих сдвинутый набор папахе, движется он легко и стремительно, певучая кубанская «мова» дополняет рисунок роли. Но кто он? — Тимка Шеремет? С кем он? С братом и отцом, которые ушли в плавни, чтобы вредить Советской власти, или с комбригом Семенным — красным командиром, посланцем партии?

Трудно Тимке, трудно актеру... Но развитие характера выверяется правдой жизни: Тимка приходит к тем, кто борется за новую жизнь. И актер всей душой на стороне своего героя!

— Я живу, вернее, пытаюсь жить по отцовским принципам, — сказал мне в минуту откровенности Саша Данильченко.

Это настоящие друзья — отец и сын; они отлично понимают друг друга. Когда Саша решил уехать из Ставрополя, где работал с отцом, тот не перечил ему: он чувствовал, что сын хочет попробовать свои силы самостоятельно.

— Пусть едет, — сказал он тогда, — пусть продолжает биографию...

М. СЕРЕБРО.

КРАСНОДАР — СТАВРОПОЛЬ-НА-КАВКАЗЕ.